ТЕАТРЪ ГРАФА КАМЕНСКАГО ВЪ ОРЛѢ ВЪ 1827 И 1828 ГОДАХЪ.

(*Изъ Записокъ графа М. Д. Бутурлина*).

.... Любопытнѣе всего были въ Орлѣ домъ и публичный театръ графа Сергѣя Михайловича Каменскаго (сына фельдмаршала), состоявшій изъ его крѣпостныхъ людей, съ платою за входъ, съ печатными афишками, и съ полнымъ оркестромъ также изъ крѣпостныхъ. Таковыми же были живописцы, декораціи и машинисты. Въ театрѣ давались комедіи, водевили, слезливыя драмы, даже оперы и балеты доморощенными, безталанными и безголосными графскими артистами; они не отваживались только на трагедіи. Театръ съ домомъ, гдѣ жилъ графъ, и всѣ службы занимали огромный четыреугольникъ, чуть ли не цѣлый кварталъ на Соборной площади. Строенія были всѣ одноэтажныя и деревянныя съ колоннами, съ отвалившейся на нихъ штукатуркой, и уже при мнѣ зданія всѣ начинали гнить. Внутренняя отдѣлка театра была еще изрядная, съ беньурами, двумя (помнится мнѣ) ярусами ложъ и съ райкомъ; креслы подъ номерами, передніе ряды дороже остальныхъ. Въ этомъ театрѣ могло помѣститься столь же почти многочисленная публика, какъ въ Московскомъ Апраксинскомъ театрѣ (1) гдѣ въ то время имѣлась италіянская опера. Были при театрѣ капельдинеры, (какъ слѣдуетъ) въ ливрейныхъ фракахъ съ разными воротниками. При однообразіи жизни въ губернскомъ городѣ, театръ этотъ былъ не малымъ развлеченіемъ для насъ военныхъ (2). Въ числѣ оперъ, имѣли дерзость давать „Двухдневное приключеніе" (Les deux journées) извѣстнаго Керубини, „Жанъ де Пари" и „Красную шапочку" (Le petit chaperon rouge) не менѣе извѣстнаго въ то время Боальдьё, „Жоконду" (Николо д'Изуара) и Санд-

(1) У Арбатскихъ воротъ, въ домѣ, гдѣ нынѣ Александровская военная гимназія.

(2) Я только что поступилъ тогда юнкеромъ въ Павлоградскій гусарскій полкъ, квартировавшій въ Орлѣ. Командиромъ полка былъ баронъ Өедоръ Петровичъ Оффенбергъ.

рилліону (Боальдье или Штебелдта, хорошо не помню), а всего чаще, подчивали насъ „Русалкою"; до Моцарта и Россини, однакоже, не доходили. Первый теноръ, чистый холопъ, по имени Кравченко, пѣлъ съ шикомъ, столькоже носомъ, сколько горломъ, не разставаяся никогда съ носовымъ платкомъ, который онъ комкалъ въ рукахъ и въ который поминутно плевалъ. Второй будтобы теноръ, Миняевъ, болѣе шевелилъ губами и махалъ руками, нежели выпускалъ звуки изъ устъ, и потому трудно было опредѣлить, къ какой категоріи принадлежалъ его голосъ. Чего либо похожаго на басъ (голосъ повсемѣстно встрѣчаемый въ Россіи) въ труппѣ рѣшительно не было, хотя лице, предназначенное для басовыхъ партицій, силилось ревѣть брюхомъ. Дворовая дѣвка, дурнолицая примадонна, обладала пронзительнымъ пискливымъ голосомъ, была превысокаго роста, и имѣла также свой особенный шикъ, состоявшій въ почти безпрерывномъ поворачиваніи головы къ одному плечу. Но въ балетахъ особенно былъ хорошъ первый танцоръ Васильевъ, ростомъ съ покойнаго Каратыгина, въ тѣлесно-цвѣтномъ трико, съ плохобритою бородою, пускавшійся въ граціозности и позы. Когда онъ совершалъ прыжки, называемые „антреша", голова его уходила почти въ облака сцены. Самъ хозяинъ всегда сидѣлъ въ 1-мъ ряду креселъ, а семейство его въ середней (помнится мнѣ) ложѣ, въ родѣ царской. Былъ въ мое время для продажи билетовъ, кассиръ; но разсказывали, что въ былое время графъ самъ сидѣлъ у кассы съ своимъ георгіевскимъ 2-й степени крестомъ (за взятіе Базарджика) и продавалъ билеты, по поводу чего юнкеръ графъ Мантейфель (служившій въ кирасирской дивизіи ген. Дуки, которая стояла въ Орлѣ въ началѣ 20-хъ годовъ) извѣстный своими шалостями, привезъ разъ въ кассу огромный мѣшокъ съ мѣдными деньгами въ уплату ложи бель-этажа; пересчитывать потребовалось много времени, такъ что должно было остановить раздачу билетовъ, а отказать было жалко, по цѣнѣ бель-этажной ложи.—Менѣе смѣшными въ комедіяхъ были двѣ сестры Кобазины въ роляхъ „premières amoureuses", но не потому, что въ нихъ таилась искра драматическаго таланта, а потому только, что онѣ были дѣвки безъ претензій на барство, говорили и жестикюлировали какъ слѣдуетъ скромнымъ горничнымъ и прачкамъ. О туалетѣ артистовъ обоего пола нечего и говорить, хотя иные костюмы, относящіеся къ прошлымъ столѣтіямъ, были порядочными, и не даромъ сіятельный хозяинъ разорялся на свою затѣю: театръ былъ рѣдко пустъ. Справедливость требуетъ прибавить, что оркестръ былъ весьма сноснымъ. Изъ репертуара драммъ помню, что нерѣдко давалась одна плачевная и усыпительная подъ именемъ „Фальшивая Сидонія," изъ комедій: „Полубарскія затѣи", а изъ водевилей: „Суженаго конемъ не объѣдешь", Хмѣльницкаго, что́ тогда было новизною.

Многолюдная прислуга при домѣ и капельдинеры были въ ливрейныхъ фракахъ съ бѣлыми, красными и голубыми воротниками, обозначавшими разрядъ и степень ихъ должности, и по мѣрѣ заслугъ переводились изъ одного цвѣта въ другой, о чемъ возвѣщалось въ ежедневномъ вечернемъ графскомъ приказѣ по дому, какъ водится въ полкахъ. Въ томъ же приказѣ напоминалось о безпорядкахъ, усмотрѣнныхъ графомъ въ теченіи дня; наприм.: дѣлалось графинѣ замѣчаніе за допущеніе ею того, что при входѣ ея въ лакейскую, люди или не встали съ своихъ мѣстъ, или не оказали должной ей почтительности. Все это я слышалъ отъ очевидцевъ; самъ же съ графомъ Каменскимъ не искалъ знакомства, да и никто изъ нашихъ ни

генераловъ, ни штабъ и оберъ-офицеровъ, не были вхожи къ нему, за исключеніемъ произведеннаго, недавно передъ тѣмъ, въ корнеты князя Александра Сергѣевича Вяземскаго ([3]). Одинъ изъ нашихъ офицеровъ Тѣлесницкій и я попытались было завести письменную интрижку съ двумя вышесказанными сестрами Кобазинами чрезъ лакеевъ съ разноцвѣтными воротниками, но радужные воротники брали деньги и насъ надували, и ничего изъ того не вышло, кромѣ того, что слухи дошли до графа, у котораго разлилась желчь, въ слѣдствіе чего онъ (помнится мнѣ) распорядился патріархально съ тою изъ сестеръ, къ которой мы писали, т. е. высѣкъ ее, и грозилъ жаловаться на меня моему отцу во Флоренцію. Вѣроятно и разноцвѣтный воротникъ, замѣшанный въ этомъ дѣлѣ, тоже поплатился своею шкурою. Графъ былъ женатъ вторымъ бракомъ на вдовѣ, имѣвшей отъ перваго мужа двухъ, болѣе чѣмъ зрѣлыхъ, дочерей. Кто была графиня по рожденію, и кто первый ея мужъ, я забылъ, но она была весьма достойная женщина; дѣтей же отъ графа тогда она не имѣла. Была у графа дочь отъ первой жены, не жившая съ отцемъ въ Орлѣ, и вскорѣ послѣ умершая дѣвицею, завѣщавши свое (материнское) имѣніе отцу.—Актрисы содержались въ заперти въ четырехъ стѣнахъ, какъ бы въ гаремѣ, и кромѣ какъ въ театръ никуда не выходили, да и самимъ падчерицамъ графа едва ли было веселѣе: онѣ никуда не выѣзжали, ни на балы у губернатора (Петра Александровича Солнцева), ни въ Благородное Собраніе. Я не упомянулъ, что графъ держалъ при себѣ стараго нѣмца балетмейстера (по фамиліи, кажется, Гебель или Дебель) для обученія его танцоровъ и танцовщицъ. Нѣмецъ этотъ насъ увѣрялъ, что онъ нѣкогда служилъ въ нашемъ Павлоградскомъ полку при генералѣ Бауерѣ (въ началѣ столѣтія), а также, что знаменитый уже тогда Щепкинъ началъ свое драматическое поприще на театрѣ графа Каменскаго.

([3]) Вскорѣ послѣ переведеннаго въ Л. Г. Гусарскій полкъ, нынѣ умершаго.

Замѣтка.

При письмѣ пресловутаго ѳеократа и ултрамонтаниста графа Іосифа де Местра къ князю П. Б. Козловскому, помѣщенномъ въ Русскомъ Архивѣ за 1866 г. стр. 1492, сказано, что „аббатъ Розавенъ почти насильно об„ратилъ въ католичество графиню „Марію Артемьевну Воронцову.“ Это не совсѣмъ вѣрно. Упомянутая особа (фрейлина при императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, умершая во Флоренціи 88 лѣтъ отъ роду въ 1865 году) была родная сестра матери моей графини Анны Артемьевны (умершей въ 1854 г.) и потому долгомъ считаю передать, какъ именно совершился переходъ ея въ латинство. Допускаю, что аббатъ Розавенъ могъ быть сопричастникомъ въ этомъ дѣлѣ; но прозелитическая подготовка тётки моей относится ко времени гораздо ранѣе 1815 г.; а именно, къ первымъ десяти годамъ столѣтія, когда въ женскихъ высшихъ сферахъ общества проявилась эта пропаганда, одною изъ точекъ опоры для которой была авторитетная эмигрантка принцесса де Тарантъ, нѣкогда придворная дама при несчастной королевѣ Маріи Антоанетѣ, и съ тѣмъ же значеніемъ принятая при нашемъ дворѣ. Принцесса де Тарантъ такъ высоко почиталась за ея религіозность, что по ея смерти чуть-ли не причислена Римскою церковію къ лику блаженныхъ. Сохранилось въ дѣтской моей памяти, что тётка называла её „La bienheureuse princesse de Tarante“, и имѣла при себѣ ея пор-

третъ съ выстриженною подъ гребешокъ головою, чтó казалось мнѣ отвратительнымъ.

Позднѣе, во время разгара іезуитской пропаганды, тётка моя подружилась съ С. П. Свѣчиной, и не мудрено, что эта „русская ултрамонтантка" (изрѣченіе это не мое, а заимствовано изъ статьи о ней въ одномъ изъ періодическихъ изданій) способствовала къ совращенію моей тётки. Она разсказывала въ нашей семьѣ, что главною причиною ея перехода въ католичество было неумѣніе свободно изъясняться по русски съ своимъ духовникомъ, и хотя, по свойственному ей юмору, она была не прочь отдѣлаться шуткою или краснымъ словечкомъ отъ предлагаемаго ей серіознаго вопроса, тѣмъ не менѣе, я охотно вѣрю, что и это обстоятельство могло быть одною изъ причинъ ея отпаденія отъ нашей церкви. Извѣстно, въ какой мѣрѣ наше высшее общество того времени страдало этимъ недугомъ ([1]). Правда, что существуетъ у насъ въ семействѣ (изъ боковыхъ, не отступниковъ) преданіе, будто бы въ частномъ разговорѣ объ этомъ затрудненіи тётки, аббатъ Розавенъ увѣрилъ её, что она можетъде исповѣдываться у него безъ отрѣченія отъ восточнаго вѣроисповѣданія, и что будто бы, когда она послѣдовала его совѣту, онъ (на исповѣди) объявилъ, что ей болѣе нѣтъ возврата къ нашей церкви, и что по силѣ этой-де у него исповѣди она принадлежитъ всецѣло римскому вѣроисповѣданію. Я далеко не сочувствую іезуитской пропагандѣ, поселившей религіозный раздоръ въ моей семьѣ, но затрудняюсь вѣрить въ столь наглый обманъ упомянутаго патера; да и тётка моя была слишкомъ умна, чтобы не понять нелѣпости приступать къ таинству покаянія внѣ своей церкви; и если она не была вполнѣ убѣждена доводами аббата по совершеніи своей исповѣди, если въ ней оставались еще сомнѣнія, то для разъясненія столь важнаго вопроса, она могла прибѣгнуть къ русскому своему духовнику. Слѣдовательно принужденія, съ стороны іезуитскаго патера, тутъ вѣроятно никакого не было.

О постепенномъ развитіи католицизма въ моемъ семействѣ подробно изложено въ моихъ Запискахъ, но они наврядъ-ли могутъ быть допущены въ печать въ полномъ составѣ, при моей жизни.

Кстати, передамъ анекдотъ о С. П. Свѣчиной, слышанный мною отъ тётки. Во время парижской своей жизни въ легитимическомъ кружкѣ *Faubourg St. Germain*, г-жа Свѣчина дала разъ порученіе находившемуся при ней мальчику-Калмычку сходить на рынокъ купить устрицъ, повторяя ему нѣсколько разъ названіе устрицъ по французски — *des hûitres*. Мальчикъ, въ памяти коего оставалось отрывками нѣсколько изъ французскихъ словъ, слышанныхъ имъ въ салонѣ своей барыни, гдѣ часто говорилось о тогдашнемъ королѣ Людовикѣ XVIII, помнилъ хорошо это имя *Louis dix huit*, но къ несчастію перепуталъ это слово съ *hûitres*, и сталъ спрашивать на рынкѣ: „donnez moi des Louis dix huit,"—къ общему смѣху торговокъ.

Графъ М. Бутурлинъ.

([1]) Въ этомъ отношеніи я не раздѣляю нападеній, направленныхъ Аб. Серг. Норовымъ и кн. П. А. Вяземскимъ, на книгу „Война и миръ". Если есть преувеличеніе у гр. Л. Н. Толстаго, то оно небольшое и ближе къ подлиннымъ лицамъ, чѣмъ у Гоголя.